

Юрий Моренис

Я + Я

Юрий Моренис

Я + Я

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11278751

ISBN 978-5-4474-1595-2

Аннотация

Данная повесть является открытием в литературе. Если в мире известно два вида повествования: от первого или от третьего лица – то здесь автор представляет новинку. Повесть излагается от двух первых лиц!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	21
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Я + Я
или Сказки для
зрелого возраста
Юрий Моренис

© Юрий Моренис, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Омск,

Юлии Буниной

Пролог

– Здравствуйте.

– Добрый день.

– Мне бы господина Парфенова...

– Я слушаю.

– Еще раз здравствуйте, Михаил Алексеевич. Решила к вам обратиться как к частному детективу. Вы ведь детектив?

– Так точно.

– Можно с вами встретиться?

– Нет вопросов, но в ближайшее время я занят...

– Не думала, что вы мне откажете...

– Я не отказываю. Вы застали меня на пороге.

– Какой у вас, Михаил Алексеевич, приятный голос. Я тоже обладаю некоторой долей дедукции, хотите, я вас прямо по телефону опишу?

– Хоть и тороплюсь, но интересно. Попробуйте.

– Вам чуть за сорок, вы высоки, где-то метр восемьдесят. Широки в плечах, но вес около девяноста. Лицо – сплошной Голливуд: блондин с голубыми глазами, но скуласт, что говорит о восточных предках. А ямочка на подбородке лишь добавляет шику. Внешность слишком привлекательная для частного детектива. Наверно, потому носите серые костюмы и неброские галстуки. Я не ошиблась? Почему вы молчите?

– Гм-м... Довольно неожиданно. Зря вы, девушка, хихикаете.

– Девушка? А может, солидная дама?

– Я тоже слышу ваш голос, могу ответить тем же. Не возражаете?

– Будьте так любезны, Михаил Алексеевич...

– Я бы с удовольствием описал вас, как вы меня, назвал бы высокой броской блондинкой с ярким макияжем, и на вас все время оглядываются мужчины...

– А что, не оглядываются?

– Нет, почему же? Но не так часто, как хотелось. Потому что расту в вас чуть-чуть, а зеленые глаза с постоянным скептическим прищуром – это несколько отпугивает...

– Так уж и отпугивает?!

– Возможно, настораживает. Носик курносый, челюсть вперед, а чтобы особо не выделяться, носите джинсовые брючные костюмы и не любите писать «стенд-ап», то есть говорить непосредственно на камеру. Вы ведь тележурналист, работаете на популярном 52-м канале, и зовут вас Алла Уральская. Для друзей и близких – Алька, а фамилия Уральская, возможно, псевдоним, весьма созвучный с именем.

– Вот это да-а... И все – по голосу?

– У каждого свои секреты.

– Один – один, Михаил Алексеевич?

– Скорее, два – ноль. Оба очка в мою пользу.

– Это несправедливо!

– Очень даже да. Тем более, я вас вижу, а вы меня нет. Стоите на той стороне улицы, держите у уха сотовый и смотрите вверх. Пытаетесь высчитать мое окно? Bravo! Я уже спускаюсь. Чуть-чуть – и увидимся...

Танюха оказалась права: Голливуд – он и есть Голливуд. Только не сказала об одном... Она намекнула, возникнет нюанс, тебе решать, потому что кому-то нравится, а кому-то нет. По всей видимости, моя начальница намекала на шрам, превращающий его лицо Аполлона, отдыхающего после полудня, в грозный лик гестаповца, допрашивающего комсомолку. Правда, в доброго гестаповца, если таковые существовали. И вместо серого костюма с голубым галстуком на нем болталась зеленая ветровка, под которой чернела футболка, заправленная в джинсы. Кроссовки завершали его гардероб. Все это я разглядела в миг, когда ойкала на его здрасьте. Я-то его ждала с той стороны, а он подошел сзади.

– Здрасьте.

– Ой!

А она гораздо хуже, чем по телевизору. Ах да, выпуклый экран всегда полнит. Никогда не привыкну, что изображение человека разительно отличается от самого человека. Все эти «Их разыскивает милиция» – полная чушь! Он рядом будет стоять, а ты в жизни не догадаешься... И росту в ней поболее, чем казалось сверху или на экране. Впрочем, на экране и сравнить не с чем, они там сплошь сидят или стоят, где ни попадя. И почему она не любит снимать «стенд-ап»? Вполне

даже симпатичная девчушка.

– Совсем не ждала вас с этой стороны.

– Сюрприз. Я вышел не из главного подъезда, а с торца и перешел там, у светофора, – я махнул рукой в сторону «зебры».

Но он меня не смутил. Может, он этого добивался? Фиг, нас так просто не возьмешь!

– А-а, – сказала я и мило улыбнулась.

Улыбочка-то у нее ядовитенькая. Этакая кобродка с клыками. Спасибо Татьяне, моей давней приятельнице, предупредила: мол, ты с Аллой Уральской поосторожнее. С виду тихоня, а по натуре – глист, все соки высосет. Я растянул губы во всю ширину зубов:

– Извините, если вы меня, Алла, не поняли. Я не подкарабкался. У меня здесь машина припаркована. А на той стороне не то что стоянка – остановка запрещена.

– Да, я знаю, – сказала я. – Сама кружила минут пятнадцать, пока припарковалась.

– У вас машина?

– «Шестерка». Там стоит, за углом.

– Жаль, мог бы вас подвезти.

Смотрит на меня с сочувствием. Не из-за машины, нет. На самом деле мог куда-нибудь подкинуть. Вот дура, вечно меня несет впереди паровоза. Нет же, надо пофорсить: дескать, я девушка самостоятельная, плевать мне на ваши «Мерсы».

– А вот и мой «Мерседес». Старенький, правда, но меня вполне устраивает.

– Как старенький?! Кажется, с конвейера прямо. Вон какой ухоженный.

– Спасибо, Аллочка. Вы мне льстите. Ему уже лет пять.

Я «Аллочку» не пропустила. А делов-то, всего-навсего похвалила его тачку.

Милая девушка, умеет подобраться к мужчине. Небось, еще на каждую тупую шутку хохотом заливается. Ладно, потом проверим. К сожалению, тороплюсь.

Аж цветет весь. Солидный, а цветет. Только не надо шутить, не хочу смеяться, настроение ни к черту. Зря, выходит, через весь город перлась.

– Как же быть? – скорбно вздохнула я.

– Может, вечером. Знаю, у вас, тележурналистов, всегда времени в обрез.

– Михаил Алексеевич, вы мне что, свидание назначаете?

Он сделал такое испуганное лицо, я невольно засмеялась. Засмеялась, но тут же потупилась.

– Разве это неприлично? Прошу прощения. Но, с другой стороны, я Тане пообещал дать интервью, грех отказываться.

– Да нет, все в порядке. Откровенно, мне бы тоже побыстрее сделать сюжет, завтра в эфир, а дальше – в область за новыми материалами.

– Договорились, – обрадовался я и назначил встречу в «Красном уголке», тихом и уютном ресторанчике на Пуш-

кина...

Глава 1

Вот, собственно, и все...

Больше мы с ним не встречались.

Как прошел сюжет? Нормально прошел. Я бы и не вспомнила, но он вдобавок оказался писателем, типа детектива, и рассказывал всякие забавности. Оказывается, подвергнуть расследованию можно абсолютно все. И доказал на примере русских сказок. Мы улетели – ржачка стояла на весь эфир. Потом звонили, просили повторить. А я-то раньше думала, будто расследованиями занимаются только сыщики и мы, журналисты. Парфенов же утверждает: даже пробуя борщ на состав ингредиентов, дескать, сколько там капусты, свеклы и картошки, – уже проводишь своего рода расследование. Да-а, веселый мужик!

Иногда бывает жалко. В профессии журналиста даже самые яркие знакомства чаще бывают одноразовыми. Пообщаешься с человеком, сделаешь пару синхронов, а потом при всем желании не видишься... А хотелось бы! Пока готовишь материал, и дома у героя побываешь, и с близкими побеседуешь, и с друзьями. Порой так в биографию закопаешься – вся подноготная, как на ладони! О жизни его столько знаешь – сам не знает, и готов дружить до гроба... Ан, не выходит. Прямо рок какой-то. Год-два проходит, можешь встретить его на улице и не узнать. «Здрасьте, Аллочка! Рады ви-

деть!» Из вежливости: «Ой, я тоже рада!» А кому ты рада, с полминуты напрягаешься – вспоминаешь.

Что интересно, дела в памяти остаются, а персоналии куда-то тью-тью. И ведь не только выручаешь людей, случается, спасаешь, жизнь поворачиваешь в лучшую сторону: то ли в суде оправдают, то ли квартиру новую дадут, то ли водопровод починят или лампочки в подъезде ввинтят. Как-то (ха-ха!), письмо в редакцию пришло (я тогда на радио работала): мол, темно, лбы расшибаем, там, в ЖЭКе, одни сволочи сидят. Пошла в магазин, не пожалела денег, и ввинтила в том злосчастном подъезде несколько лампочек. Так благодарственное письмо пришло: спасибо вам, радио, перепугались гады, и теперь на лестнице светло. Благо, нашли время написать – мир не без добрых людей. А вообще, благодарность – дело нечастое и где-то побочное.

Главное, берешь факт и превращаешь его в информацию. То есть, делаешь его доступным людям, будь они читатели, радиослушатели или телезрители. А фактов этих, с одной стороны, куча несметная, с другой – днем с огнем не сыщешь. Но и жаловаться тоже грех. В наше время столько событий, столько некопаного добра: гвоздиком колупни какую-нибудь ситуацию, типа для подробностей – хлынет, лишь успевай просеивать.

К примеру, случился незначительный сюжет, вроде пустяк, а со временем – ох как пригодилось! Однажды в конце весны и учебного года делала ностальгическую передачу

о давно минувшей пионерии. Для молодежной редакции само то. Как детишек занять, этих милых карапузиков убаюкать, а то детская преступность растет до небес, крадут, мошенничают, режут, а онанизмом заниматься еще рано. И вот в одной из школ педагог-новатор, заслуженная учительница со всеми образовательскими регалиями (а то кто бы доверил), заглянула в былое и организовала пионерскую дружину. Ну, типа того. Я пионерию не застала, структура ее мне неизвестна, и, скажу честно, заинтересовалась, чем там занимаются детишки взамен грабежей и покушений. Оказалась, несмотря на боевое название, дружина – вполне мирная организация. Ребяшня с разноцветными тряпочками на шеях весело смеялась, а глазки по-доброму, без всякого преступного умысла смотрели в камеру. Сюжет получился радостный и умильный.

Уже сматывая провода, черт меня дернул спросить, что за славное имя носит дружина – Лени Голикова, пионера-героя Лени Голикова, на кого равняется?

Узнала, успокойся, иди монтируй передачу. Так нет же! Говорю, черт дернул... Тем паче, в пионерах не состояла, хотелось подробнее узнать об их обычаях. Замечено: чем больше в кадре всякой мелочи, тем интереснее смотрится материал. Меня за то и ценят – за любовь к каждой копейке, отчего и рубль звонче. Короче, полезла я к этому, будь он не ладен, Лене Голикову и ко всем прочим пионерам-героям. Их немного, непосредственно детей – Героев Советско-

го Союза, всего четверо: Зина Портнова, Марат Казей, Валя Котик и Леня Голиков. Что ж такое сверхъестественное творили пацанята?

Зиночка работала в немецкой столовой, отравила суп. Когда ее заподозрили, смело съела порцию и чудом выжила. При следующем задержании во время допроса схватила со стола пистолет следователя и застрелила трех гитлеровцев, в том числе и следователя-растяпу. Так и вижу: маленькая девочка, похожая на героиню из «Маши и Медведя», мочит фашистов направо и налево, как в натуральном экшне.

Марат и Валя были связными в партизанских отрядах, пускали под откос эшелоны, на обоих куча медалей и орденов. Валя погиб в бою, а Марат, окруженный врагами, взорвал себя гранатой. Ужас – четырнадцатилетние сопляки!

Но круче всех Леня Голиков, прямо-таки профессор-диверсант Леонид Александрович Голиков. Не всякий профессиональный боец дотянет до его кровавого счета. Куда там Бэтмену и Человеку-Пауку – бедолаги! За мальчиком числится 78 трупов, два железнодорожных и двенадцать шоссе-ских мостов, два продовольственных склада, десять машин с боеприпасами. (Кто-то ж ползал за ним, отмечал?)

Висит на нем еще одна криминальная история. Здесь чистый Голливуд! Герой-одиночка по всем законам боевика. Гулял как-то паренек августовским вечером по лесу, дышал хвойным воздухом, слушал пенье птиц – возвращался из разведки. Ему бы поваляться в травке, помечтать,

о родном доме, как водится, всплакнуть – однако шум... Рядом по тихому оккупированному шоссе двигался «Мерседес» (Заднемоторная модель «130Н» – голубая мечта современных коллекционеров: 1942 год!), а внутри этого коллекционного автомобиля расположился генерал с охранником и водителем. Рихард фон Виртц был абсолютно мирным генерал-майором, поскольку представлял инженерные войска. Весельчак, балагур, большой, говорят, любитель шнапса и баловень женщин. В тот роковой день, 13 августа, Рихарду еще повезло, он вновь напился и не слышал ни перестрелки, ни взрыва гранаты, унесшего его напрямик в фашистский рай. Зато сорванец с триумфом доставил в штаб дымящийся портфель с документами, где среди прочих в целостности и сохранности покоились чертежи новых образцов немецких мин и другие ценные донесения...

Как меня обличали, изобличали и разоблачали! То голой мордой об асфальт, то нежной попкой прямо по кочкам: ты что, Уральская, с ума сошла?! Или ты враг народа, или утопленница из оперы Чайковского «Майская ночь, или Утопленница»?! (Помните, дело в мае было?) Как ты национальное достояние – и вот так, запросто, в клоуны?! Разве это профессионализм – разжаловать, размазать, развести?! Сами вы непрофессионалы!

Да я не про него, я про пионерию! Как может безвинная дружина, занимающаяся вышиванием, игрой в шахматы, живым уголком, выпуском стенгазеты и прочими милы-

ми пустячками, носить имя убийцы, перед которым Дракула – сам пионер или воспитанник детского сада? А вдруг какой-нибудь юный авиамоделист отвлечется от пропеллера и обратит взор на своего кумира? А почему, подумает, и мне не поднять на воздух, как Леонид, «Мерседес»? Их нынче, как собак нерезанных... Чем плохи, по сравнению с Голиковым, имена Незнайки, Буратино или Иванушки-дурачка? Они, конечно, не самые положительные персонажи, но, по крайней мере, не убийцы, не заросшие, как Карабас, партизаны, и генералов-растяп не взрывали...

Ну, Уральская, у тебя совсем крыша в отъезде. Тогда ж война была!

Война? Да, война – явление странное, неоправдаемое и человеку категорически несвойственное. Короче, сплошная мистика!

А что она за черт, эта мистика?

В годы учебы нам Профессор объяснял, мистика – существование невозможного. То есть, этого никак не должно быть, а оно, блин, присутствует. Простенький пример: вот вы, девушка, поссорились с любимым и целый день не разговариваете. Как так? Не может быть! Ведь вы с ним все равно общаетесь, беседуете с ним, а тут раз – и молчок. Как ни крути, а состояние совершенно неестественное, стрессовое, мистическое. Все выбивающее из привычной колеи ненатурально и угнетающе. Любое расставание – мистика. Что на перроне, что на кладбище. Недаром аэропорты и вокза-

лы ближе к небесам, нежели к земле. Дороги уводят в даль, а даль – за горизонтом, которого не существует, хотя и видно.

Человек не в состоянии убить себе подобного. Сама видела. Люди, никогда не певшие, не рисующие, под гипнозом вдруг выдавали рулады не хуже Паваротти, или писали картины, теребя покойника Репина. Однако, когда им давали в руки нож (деревянный или резиновый) и велели кого-нибудь убить, начинались судороги, истерики, вплоть до обмороков. Потому самое мистическое явление на свете – это война.

Самыми тупыми героями человечества мне всегда казались полководцы. От Александра Македонского до Георгия Жукова. У них у всех и личная жизнь какая-то броненосная (от млекопитающего отряда неполнозубых – «броненосец»), динозавря, и сами они похожи на памятники самим себе. То на конях, то с саблями, как будто спят вместе с ними. Стоит подумать о них, сразу кипит мой разум возмущенный, наверно, как у будущей матери-перематери. Ишь, че надумали, подавай им пушечное мясо! А они в ответ: мол, нет, вы что, просто те на нас в форме и с оружием, вот и мы тоже в форме и с оружием. А так – никаких убийств! Это издержки патриотизма, защиты Родины и отпора агрессии. А сами мы тихие, как агнцы, а шумим вынужденно, потому что пушки громкие... Дьявол с вашими пушками! Дети тут при чем?

Ох и выволокли же меня по всем партийным линиям.

Сколько у нас партий, столько раз и выволокли. В эфир не пустили, так я на всяких собраниях и сборищах выступала от себя лично. И в той школе с пионерской дружиной имени Лени Голикова тоже. Может, потому и с работы не вытурили: письмо оттуда пришло, дескать, извините, мы тут посоветались и пришли к выводу, ваша корреспондентка права. Короче, переименовали дружину...

Но я это все к чему? Оказывается меценаты, спонсоры и прочие доброхоты есть не только у мастеров искусств, сумасшедших изобретателей и запущенных библиотек – школы тоже кормятся за счет состоятельных людей. Они или бывшие выпускники, или депутаты, в чьих округах расположены данные учебные заведения. Эта школа, бывшая Голикова, тоже имела покровителя.

Я вначале не обратила на него внимания. Что удивительно. Со своим журналистским чутьем любой пожар чувствую еще до возгорания. А тут... Может, ангел хранил: дескать, не стоит, не видь, промахнись – и ни печали, ни горя...

Нет, пожалуй, не хранил.

Стою у своего «Таракашки», рассредотачиваюсь после очередной бурной дискуссии, курю. Я тогда, дурочка, курила.

Вдруг слышу:

– А вы азартная спорщица, Аллочка. Вам бы шашку в руки да на коня...

Не торопясь, оборачиваюсь. Мы не из нервных. Визжать

«ой, как вы меня напугали!» не спешу. Невысок. Не карлик, повыше меня, само собой (а кто не выше?), но широк в плечах. Про таких говорят: коренаст. Короткая модная прическа, видна рука дорогого мастера. И прикинут недешево. Мой опытный глаз сразу все срисовал: явно «солидол», типа из состоятельных. Но дело не в этом – он улыбался! Этаким улыбкой Пирса Броснана, когда он играл Джеймса Бонда.

«Алло, гараж!» – ахнула я про себя, но вслух строго заметила:

– Мы знакомы?

– Гаврилов, – и добавил. – Игорь Олегович Гаврилов.

И снова типа агента 007: «Бонд. Джеймс Бонд». А я его сразу вспомнила: это же он, Гаврилов, владелец торгового центра «Пирамида», который в этом округе, и, кажется, даже окружной депутат. Представитель какой-то малозначительной партии, потому дальше округа его не пускают. Мы еще хихикали, не над ним конкретно, а вообще над подобными: мол, чего людишки пыхтят, деньги, что ли, некуда тратить, все равно везде шлагбаум, «кирпич» и прочие противотанковые рвы, ан нет, рвутся к власти.

Хотела посмотреть на него снисходительно – не получилось. Хоть чуть выше меня, а сверху вниз – мимо сада. Что-то, а свысока мы запросто, и на гигантов поплевывали, не то что на него, приземистого. Но тут другой случай, с первого взгляда уважение вызывает. Пиджак в клеточку распахнут.

Без галстука. Розоватая рубашка на три пуговицы расстегнута, а там, на пушистой груди, крестик золотом отликает. Маленький, уютный, мне, когда на его плече отдыхала, нравилось этим крестиком играть.

Я на улыбку Гаврилова тоже улыбнулась и сказала:

– Просто шашкой махать бесполезно, рубить надо.

Стояли, мило болтали, курили. Я-то потом бросила, а он не успел, хотя собирались завязать с этой гадостью вместе, убили его...

Глава 2

После Чечни чем-то надо было заняться, вот и решил взяться за перо. А частный сыск – это так, типа хобби. Вначале думал, писательство – что-то вроде для души, но когда один за другим вышли три романа, в смысле, детективы, начал понимать: э-э, парень, тут дело посерьезнее. Сыск отошел на второй план, а я вплотную занялся литературой. Но если кто подумает, будто я по уши погрузился в теорию словосочинительства, то – ха-ха! Нет, без умных книжек, само собой, никуда, и хотя конкретных дел стало значительно меньше, продолжал заниматься расследованиями.

А расследовал я, прямо настоящее следствие устроил, включая анализ, дедукцию и оперативные мероприятия, русские народные сказки! Сами посудите: «Дед бил, бил, не разбил. Баба била, била, не разбила». А когда оно упало: «Дед плачет, Баба плачет»... С чего?! Сами же его колотили, не жалея живота своего, а теперь рыдают. М-да, загадка... А Мышка? «Бежала, хвостиком махнула»... Представьте, яйцо-то золотое! Сколько в нем весу, в золоте? Какой же это надо хвост иметь, чтоб такой кусок тяжеленного металла за просто со стола смести? Короче, ответа нету, и получается натуральный «висяк»!

Зато, когда другую сказку расследовал, настоящее сыщицкое удовлетворение получил. Имеется в виду «Царевна-Ля-

гушка».

Итак, вышли три царевича в поле и давай стрелы пулять. У старшего стрела на двор боярышни упала, у среднего до купеческой дочки долетела, и лишь у несчастного Ванюши в болото угодила. Как так? Вообразим их построение. Сдается мне, двое старшеньких уже со своими девчатами договорились. Мол, стреляем тогда-то и туда-то, стойте, барышни, на стреме. Благородным юношам промахиваться не в дугу, бац – и попали... А Ваня? Ему ж только-только паспорт вручили, в отличие от братьев, погулять хочется, вон сколько их, девиц малоцелованных. Хоть папаня и зверь (мы еще в этом убедимся), а не испугался сынок, резко развернулся к городу спиной и послал свою стрелу в гущу-чащу, лес густой, лейтенант наш холостой! Однако за инвентарем надо идти, и предъявить его как доказательство нелепого промаха. Дальше известно: шел Иван-Царевич, шел, и вот она, на болоте, стрела. Взял ее, а на конце обнаружил лягушку. Смешно... Как нормальный человек, убивать земноводное не стал, а попытался стряхнуть. Раз махнул каленой, два... Не стряхивается! Вот чудо-то! Только чудо странноватое, и как бы уже не до смеха. С тем и пришел к Царю-батюшке. А тот, воистину монстр, повелевает: мол, что подстрелил, на том и женись. Тут прям зоофилия натуральная. А делов-то! Просто пареньку еще погулять захотелось.

Между прочим, последующие события – жуть, фильм ужасов! Картина явного покушения – налицо. И только про-

ворство сказочного героя спасло ему жизнь.

Случилось все потом, когда Царевна в своей «коробченке» пригрохотала и давай чудеса из рукавов демонстрировать. Но молодого супруга, кстати, тут же влюбившегося в жену по уши, данный цирк взволновал мало, его озарила другая идея. Поскольку Царевна взяла внимание присутствующих на себя, он незаметно смылся и, ноги в руки, в терем совместного проживания. Когда, печальный, покидал дом, скарбу было не очень. Много ли хлопцу с лягушонком надобно? А тут по горницам и светлицам – барахла-а! И все в основном женского... Ясен перец, дама на бал собиралась, вот обновы и примеряла. Темнело, а в помещении особенно, только огонь в камине потрескивал да скупые блики рассыпал. Несмотря на недостаток освещения, ринулся молоденький сыщик искать первопричину жениной беды. Швыряет в стороны дорогушие шмотки – не находит. Чу! Слышит непонятный звук – шлеп, шлеп... Оборачивается – в сумраке какое-то темное пятно к нему подкрадывается. Царевич в сторону, ближе к камину, к огню – разглядеть, а оно за ним. И уже не шлеп-шлеп, а чавк-чавк! Зеленое, слизкое, в пупырышках. Щупальце, похожее на лягушачью лапу, к сафьяновому сапожку тянет. Э-э, соображает Иван, далеко не дурак, не иначе, меня в «квака» какого нороят оборотить? Хвать, что поближе, кажется, кочергу, ловко поддевает хлюпающую тварь и – в жар! Туда, мол, и дорога... Только с омерзительным шипением занялось пламя, как на пороге во всем блес-

ке – красавица Царевна. И сколько Иван ни убеждал супругу в покушении на личную жизнь – не поверила. А дальше вы знаете...

Да-а, сколько прелести и загадок в русских сказках! Например, «Аленький цветочек»: как Чудище оборотилось в Принца, и оборотилось ли? И сколько на самом деле лет Старику и Старухе из «Золотой Рыбки»? В чем истинная трагедия «Колобка» – безотцовщина или лесной голодомор?

Что сказки? Как-то заинтересовался, сколько весил крест, который влек Иисус Христос, идя на Голгофу? Опираясь на Его данные по Туринской Плащанице (рост – 1 метр 82 см, вес – 79 кг), приступил к расчетам. Брал самые минимальные цифры. Итак, основа – 2 метра. Хотя бы еще метр от ног до земли и полтора в землю, чтоб сооружение не повалилось. Вдобавок 50 сантиметров вверху, куда прибили издевательскую табличку «INRI» – «Иисус Назаретянин Царь Иудейский». В результате выходит: $2 + 1 + 1,5 + 0,5 = 5$ метров. А поперечина? Еще плюс метра два. Итого: семь! Предположил опять же минимальный диаметр – 20 сантиметров. Известно, на крест пошла осина. То-то всякая нечисть, вампиры да вурдалаки, смертельно боятся осиновых кольев. Все числа перемножил, вычисляя объем, а напоследок, порывшись в справочниках, и удельный вес дерева. Получилось – тут я обычно держу паузу – 240 (двести сорок) килограмм! Вот какую махину, почти четверть тонны, в четыре раза превышающую собственный вес, нес на себе три часа в гору Сын

Человеческий. И это все под вопли, плети, с терновым венцом на голове, где каждый острейший шип – под дюжину сантиметров...

Подобная притча за столом, как правило, вызывает благовейное молчание. Не все же анекдоты травить.

Вот так сидел, можно сказать, баловался, чтобы потом в суровой компании бывших спецназовцев развлекать мужиков побасенками. Работы почти никакой, это в кино у частных сыщиков ее невпроворот, а в жизни милиция справляется. За разводы и неверных супругов я не брался. Говорю, больше писал...

Но однажды поздним зимним вечером позвонила добрая знакомая, тележурналист Аллочка Уральская. Без всякой лирики!

Глава 3

Я не стала ждать утра и официального визита к нему, в сыщицкую контору. Напросилась сразу домой. Может, это и бестактно, но душа горела. Вроде бы, успокоилась, не плакала, особого утешения не требовалось, однако прошел уже Девятый день – помянули, десятый, заканчивалась вторая неделя, а следствие – ни ну, ни тпру, ни ку-ка-ре-ку. Решила обратиться к «Сказочнику» – его так называли после той телепередачи. Предчувствовала, он поможет, или что-то произойдет. Произошло, но совсем другое...

Как это у Блока: «Она пришла с мороза, покрасневшая...» Хотя какой мороз? Она поставила машину чуть ли не напротив подъезда. Это летом припарковаться невозможно, а тут бегом – метров двадцать. Впрочем, морозец с ветерком наличествовали, так или иначе – покрасневшая.

– Давайте, Алла Иннокентьевна, помогу.

– Спасибо. Простите, Михаил Алексеевич, за позднее вторжение.

– Да буде вам. Помнится, мы были на «ты»? Может, я – Миша?

– Ага, да. Аля...

Я пристроил на вешалку модную, до пояса, норковую шубку с капюшоном. Длинной, до пят, видно, еще не время. Вязаный серый в голубую полоску свитерок и джинсы – вот

и весь прикид. Сняла легкие сапожки на невысоком каблуке. Конечно, в чеботах на педали жать неудобно, но ведь не вечно в машине. Ага, розовые, шерстяные, явно теплые носочки завершали гардероб. Ноги не мерзнут, почему-то облегченно отметил я.

Как он за мной наблюдал! Точно взгляд сыщика. Небось, ни одной детали не упустил.

– Аля, прошу в апартаменты.

А и правда, апартаменты! Из коридора направо, сквозь модный арочный проем без дверей, проглядывала кухня. Сравнительно небольшая, свет не горел, но бра над вешалкой хватало увидеть в полумраке обеденный круглый лакированный стол, угловой диванчик и отсвечивающий матовым блеском гарнитур с бесконечными дверцами и ящиками. По стенам коридора висели картины. Рассмотреть не успела, гостеприимный хозяин сразу пригласил в комнату, надо полагать, гостиную. Туда, налево, тоже вела арка. Двери отсутствовали. Еще подумала: куда деваться при жарке лука? Залу освещала люстра – большая, под старину. И снова картины. Над диваном, над комнатными цветами – целый зимний сад, а над телевизором смутно мерцали старинные иконы. Одну я узнала – Николай Чудотворец, ах, да, а это Пантелеймон Целитель. В другую комнату – на этот раз белая, с матовым стеклом, заказная дверь, плотно закрытая. Может, спальня? Посередине, меж двух удобных кресел, разместился журнальный столик с двумя небольшим, коллекци-

онными чашечками и таким же ажурным кофейником. Почувствовала аромат.

Ишь, какой цепкий взгляд! Кажется, ничего не упустила. Задержалась на двери, на мгновение задумалась, что за ней, явно догадалась. Конечно, журналист, а для них наблюдательность на первом месте. Может получится неплохой партнер. Я ведь понимаю причину столь скорого вторжения.

Замерла у икон. Спросила:

– А где Архангел Михаил? Полагаю, он должен быть?

– Естественно. И не один. В спальне, – я указал на закрытую дверь, – в кабинете, – махнул рукой на противоположную стену, – на кухне. Под его покровительством все. Сон, работа, еда. Прошу, по чашечке кофе. Надо полагать, разговор будет долгим.

Ухнула в кресло, уютное, расслабляющее, однако не получалось – напряг не отпускал. Разве что кофе... Сидела, вдыхала запахи, жеманно, по чуть-чуть глотала и, как дура, молчала. Михаил не торопил, прихлебывал и, наверное, в который раз рассматривал картину – палящее солнце над рекою. Веселенькая работа для зимы. Даже настроение улучшилось. У него, вообще, в доме тепло, не то что у меня – батареи еле еле греют, менять надо. Гаврилов собирался помочь... Вот черт!

– Можно, я закурю?

– Будь любезна. Пепельница перед тобой.

– А ты?

– Уже четыре года, как бросил. После Чечни. Вдоволь дыма наглотался.

– Не раздражает?

– Ни в коем случае. Я к этому равнодушно отношусь.

Уже вторую закуривает, и ни слова. Так до трех ночи просидеть можно, а потом вежливо распрощаться. Э-э, не годится! Надо ее отвлечь, мы это запросто.

– Видел твой сюжет с Валерием Ивановичем. Какой артист! Талантливый человек – везде талантлив. И собеседник приятный.

– Это по поводу премьеры «Гамлета».

– Вечная пьеса. Кто бы ни ставил, кто бы ни играл, каждому есть сказать что-то свое. А ты сам спектакль видела?

– А как же! Иначе материал был бы поверхностный. Да и удовольствие получила.

– Я тоже. Аля, скажи, пожалуйста, как ты думаешь, сколько лет Гамлету?

– В смысле, Валерию Ивановичу?

– Нет, самому Гамлету, персонажу.

– Странно... Я сколько раз видела, читала, там нигде возраст не упоминается. Но он учился в Виттенберге...

– Молодец! Не все и это знают.

– В университете. Значит, студент. Выходит, лет двадцать, от силы двадцать два.

Я рассмеялся. Без улыбки в такие моменты никак нельзя.

– Это ты современными категориями мыслишь. Тогда все иначе было.

Я заинтересовалась:

– И сколько?

– О возрасте Гамлета говорится совершенно конкретно. Помнишь знаменитую сцену с Могильщиком, где Гамлет берет в руки череп Йорика, придворного шута?

– Да. Он еще стал символом Гамлета, хотя по пьесе это всего-навсего проходной эпизод.

– А перед тем, как вручить череп, Могильщик сообщает, что он пролежал в земле ровно двадцать лет и три года. Заметь, Гамлет не забыл Йорика. Он вспоминает, как здесь находились губы, глаза, как веселый шут таскал его на спине. Сколько тогда маленькому Принцу было? Лет пять, семь? Вот и сложи, двадцать три и пять, или семь.

– Около тридцати! Не меньше. Да-а, пожилой студент, чуть ли не заочник, – и я невольно улыбнулась.

Она невольно улыбнулась. Как сказали классики, лед тронулся, господа присяжные заседатели!

– Сказочник! – настроение улучшалось.

– Знаю. Мне твоя начальница, Таня, поведала про кликуху.

– Михаил, это не кличка, это кодовое обозначение.

Польстила ли мне, не знаю. Пора приступать к серьезным разговорам. Она снова потянулась к пачке, закурила. Топор не топор, но в комнате несколько сизовато. Встал, подошел

к окну, приоткрыл форточку. Морозная струя резко освежила голову. Тут же захлопнул.

– Не надо, мне не холодно, – я почувствовала себя виноватой. – Прости, Михаил, собачу, как паровоз.

– Не извиняйся. Я понимаю. Может, на твоём месте сам бы закурил.

– Нет, нет, если решил, то все! Я тоже брошу. Гаврилову обещала. Мы вместе хотели... Он не успел, но я слово сдержу.

Я не стал ничего отвечать, типа «дай Бог», или «посмотрим». Ждал... Аля была готова.

– Значит, так, – я глубоко вздохнула и меня, наконец, провало. – Фактически Гарика, то есть, Игоря Гаврилова обнаружила я. Если не считать, конечно, сторожа. Мы приехали вместе. Только Гарик сначала в гараж, машину поставить, а я к нему домой, что-нибудь на скорую руку приготовить. У меня до сих пор ключ от его квартиры. Прямо не знаю, что с ним делать?

Она зачем-то взяла сумочку, раскрыла, не глядя внутрь, снова закрыла, снова бросила на диван. Я не перебивал. Понятно, воспоминания не из веселых.

– Извини, Миша, отвлеклась. Чего я схватилась за эту дурацкую сумку?

– Может, платочек достать?

Я невольно усмехнулась: неужели у меня такая кислая физиономия? А он приветлив, если бы не шрам, чистый дедуш-

ка Мороз. Натуральный Архангел Михаил, только без меча.

– Нет, Миша, я не из слезливых. Ага, ключ достать.

– Зачем?

– Показать. Говорю же, не знаю, что с ним делать!

Я сказал успокаивающе:

– Бог с ним, с ключом. Итак, Игорь отправился в гараж, машину ставить.

– Да, – я постаралась сосредоточиться. – И что-то долго его не было. Я уж и салатик сварганила, и бифштексы, которые мы по пути в кулинарии купили, поджарила, на стол шампанское французское поставила... Смотри, помню! – удивилась я сама себе. – Всякую ерунду помню, а что-то важное наверняка забыла. Хотя и допрашивали сто раз.

– Не волнуйся, быть может, сейчас вспомнишь.

– Ты думаешь?

Я кивнул.

– Короче, нет его и нет. Я на сотовый – не отвечает. И тут меня, как это ни банально звучит, словно током пронзило. Я скорее халатик прочь, в джинсы, в свитер, шубку в охапку – и на улицу. Шубу уже в лифте надевала.

Она вдруг глубоко задышала, словно вновь торопилась, как в тот страшный вечер.

Фу-ты, что-то стала тяжело дышать. Да ладно, я решила все рассказать быстро, без трагических пауз. С Михаилом, не со следователем, чувствуешь себя гораздо свободнее.

– Когда бежала к гаражам, услышала вой сирен. Это меня

еще сильнее напугало, и я рванула изо всех сил. Гарик лежал перед домиком охранника, а над ним топтался серый дядька. Я его узнала, местный сторож. Мне было не до эквивоков, оттолкнула его, бросилась к Гарику. Вроде, он был еще жив. По крайней мере, показалось, дышит. Но пока меня от него отдирали, все – умер.

Аля говорила монотонно, без эмоций, чувствовалось, сдерживает себя. Нет, не слезы, не рыдания – не тот характер. Там, в ней, клокотало нечто адское, вот и подавляла. Невысокая, с виду хрупкая, но такая внутренне мощная – сжатый кулак. Женщина вызывала восхищение, однако я тоже весь сосредоточился, стараясь не упустить ни одной детали.

Как он слушает! Ни слова мимо ушей. Взгляд до самого доньшка, где все кипит и ворочается, как лава. Не то что этот старший лейтенант Бондаренко. Сидит, чувак, пронизательного из себя корчит, с понтом натуральный Шерлок Холмс. А у самого глаза безразличные, и сразу записал меня в подозреваемые. Типа стрельнула Гаврилова, оббежала гаражи и давай над трупом ломать комедию. Винтовку по дороге в кусты забросила. Кстати, Игоря застрелили. Выстрел произвели сзади, когда Гарик уже гараж закрыл и направился к выходу. Пуля попала в шею, задев важные органы. Он еще смог дойти до сторожки... А там упал. Вот Бондаренко и зациклило на мне. Надо же, подозреваемая! Кстати, следов никаких. Хоть и зима, а снегу мало. Плюс, гаражи-то

престижные, грейдер каждый день подъездные пути чистит. Не будут же солидные граждане сами фанерными лопатами ворота расчищать. Да и некогда им. Заплатили бабки – и полный сервис. Там, кроме охраны, и слесарь, и механик – целая двухэтажная контора с бухгалтером и председателем.

– Белого цвета?

– Что белого цвета? – не поняла я.

– Дом этот. Офис. Покрашен в белый цвет?

– Да. А ты как догадался?

– Очень образно рассказываешь. Так и увидел: стоит торцом, на каждом этаже по два окна. По фасаду на втором три, а внизу тоже два окна. Посередине дверь. Но не железная, как сейчас везде принято, а простая деревянная, густого коричневого цвета.

Я опешила:

– Обманываешь! Ты был там.

Я рассмеялся:

– Даже адреса не знаю. Ты не говорила, где дом Гаврилова и где эти гаражи находятся. Уверяю, очень все образно! Рассказываешь, а сама словно с камерой движешься. Твое видение, Аля, прямо в меня проникает. Я ведь тоже в уме картинку рисую.

– Сыщик! Точно сыщик.

Я скромно потупился:

– Есть маленько. Однако мы отвлеклись.

– Сам перебил.

– Извини, захотел уточнить рекогносцировку.

– Ишь, какие слова знает, сходу и не выговорить, – пробормотала я не без восхищения.

И снова она смолкла. Впрочем, завтра у меня ничего срочного, могу до утра ее слушать, даже когда молчит. Тишина тоже наполнена звуками: дыхание, шорох одежды, скрип по дну пепельницы погашенной сигареты, стук чашки о блюдечко. Кстати, кофе остыл, схожу на кухню, еще сварганю.

Что интересно, Парфенов прав. Каждая профессия вырабатывает особый взгляд. Художники, например, различают до ста цветовых тонов, а мы, обыкновенные, с трудом десять. Музыканты – такие волшебные звуки, нам и не снилось. По сравнению с ними – глушь нерадиофицированная. Режиссеры решают пространственные задачи. Взломщики, прищурясь, оценивают, каким способом вскрыть тот или иной сейф. Так и мы, журналисты, должны быстренько сообразить, как расколоть собеседника, будь он командир пожарных на стихийном бедствии или любитель псовой охоты. Как-то ехала в метро рядом с дядечкой, а к его ногам жались две красавицы-легавые. Восхитилась собаками, а через восемь минут знала о товарище чуть ли не все, вплоть до имени жены, и как она не противится его хобби. Так что в нашей работе по добыче информации требуется глаз да глаз. Кстати, у оператора он свой, ему надо сам факт происшествия отобразить, чем он и занимается. Я вижу несколько иначе. Еще по дороге на сюжет обдумываю идею будущего материала.

Если пожар (предположим, пожар) по вине бесхозяйственности, делаем упор на погорельцев – они ж ротозеи, ежели объективные причины, тогда беседуем с пожарными, а когда поджог или злой умысел, тут без милиции не обойтись. В результате прошу оператора снять тот план, в котором смысл отразится лучше всего. Идеал, когда оператор мыслит с тобой одними понятиями. Я с подобным работала, ради картинки он пополз по скользкому, снежному склону вниз. Сорваться – миг и... Лучше не вспоминать! Но снял, остался жив, а кадры – лучшие в мировом телевидении. Потому повторяю: Михаил свет Алексеич прав, я смотрю на жизнь планами, говорю и в памяти воспроизвожу их, а потом, рассказывая, передаю видение другим. Если бы старший лейтенант Бондаренко вел себя поделикатнее, может, какие-то детали и вспомнила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.